

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. М. В. Генченкова
г. Москва, Россия

**СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИ
ПОЭЗИИ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА-ПРАВДИНА)
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КОМПОЗИТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

Аннотация: Художественный мир известного современного русского поэта иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) близок многим нашим соотечественникам. Его творчество привлекает внимание не только читателей, но и людей творческих профессий — музыкантов-исполнителей, композиторов. Каким может быть подход современного композитора к воплощению стихов поэта в музыке? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным: творчество поэта многомерно, а индивидуальности музыкантов различны. Тем не менее правомерен поиск различных скрытых смыслов и параллелей для того, чтобы осознать, какие же средства выразительности уместны для выявления идеи того или иного стихотворения. Автор статьи проводит параллели между идеями стихотворений поэта и высказываниями известного искусствоведа, профессора Н. Н. Третьякова (1922–2003) о русской живописи. Комплексное понимание закономерностей искусства в целом позволяет глубже осмыслить, какие пласты музыкального искусства и его закономерности могут быть связаны с поэзией иеромонаха Романа и на каком основании.

Ключевые слова: современное композиторское творчество, иеромонах Роман (Матюшин-Правдин), современная русская поэзия, литература и музыка, живопись и литература.

Информация об авторе: Мария Владимировна Генченкова — кандидат искусствоведения, доцент, Академия хорового искусства им. В. С. Попова, Фестивальная ул., д. 2, 125565 г. Москва, Россия. E-mail: info@axu.ru

Дата поступления: 04.06.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Генченкова М. В. Смысловые грани поэзии иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) в контексте современного композиторского творчества // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 328–337.

Поэтическое наследие нашего выдающегося современника, иеромонаха Романа (Матюшина) уже не одно десятилетие волнует души и сердца многих читателей и слушателей. По свидетельству митрополита Таллиннского и всея Эстонии Евгения (Решетникова), много лет служившего на посту ректора Московской духовной академии и семинарии, «отец Роман своими песнями привел к крещению десятки, может быть, сотни тысяч людей» [2, с. 12]. Ныне его художественный мир активно привлекает и внимание литературоведов: уже написано немало статей, посвященных творчеству поэта [1; 2; 3; 4; 5; 6; 9].

Поистине удивительным и назидательным является тот факт, что выразителем современного православного мировоззрения стал не специально «выпестованный» для этой роли в профессиональной литературно-писательской среде поэт, а удаленный от тщеты мира сего монах, ушедший в затвор в начале 2000-х гг.

Однако в этом есть и очевидная логика: истинно глубокое понимание смыслов дает именно вера — искренняя, настоящая. Для монаха и для любого православного человека это составляет основу жизни: любое происходящее событие соотносится с Евангелием. В свете такого мировоззрения любой талант человека раскрывается совершенно по-иному, чем он мог бы реализоваться вне религиозного сознания. Об этом (применительно к литературному творчеству) пишет философ Александр Корольков, цитируя Н. В. Гоголя, который еще полтора столетия назад провидел предназначение современной поэзии в том, чтобы «вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу, которую Сам небесный Творец считает перлом Своих созданий» [2, с. 5].

К высокохудожественной, богатой смыслами поэзии иером. Романа, безусловно, все чаще обращаются современные музыканты. И хотя сам поэт был одновременно и музыкантом — многие слушатели познакомились с его стихами именно благодаря исполнению автором собственных песен — его поэтический мир созвучен сегодня совершенно несхожим композиторам, имеющим разные художественные индивидуальности. Это говорит о том, насколько многомерно творчество поэта.

Впервые мною была воспринята поэзия иером. Романа как исключительно близкая собственному внутреннему миру, когда вышли в свет томики стихотворений поэта, к тому времени уже ушедшему в затвор. Отметим, что современный музыкант, воспитанный на академической музыке, не всегда может «признать» неакадемический стиль. Сложилось так, что для меня синтез поэзии и музыки иером. Романа практически не представлял собой цельное единство, и бардовский стиль в соединении со столь высоким слогом не производил на меня целостного впечатления.

Прежде всего, поражает обширный спектр тем, затронутых в поэзии иером. Романа [5]. Тематический круг его поэзии включает стихи, посвященные смыслу жизни человека и устремленности личности к Богу, различные философские и нравственные проблемы, патриотические стихи, в которых поднимаются всевозможные животрепещущие темы для русского народа и вообще современного мира.

Прикасаясь к его творчеству, композитор может сопоставить стихотворные композиции таким образом, чтобы подчеркнуть какую-то основную идею, раскрыть ее наиболее полно. Мне посчастливилось прикоснуться к этой удивительной поэтической струе, сочинив циклы на стихи поэта — «Души моей святыня» (для смешанного хора) и «Сказать и не солгать» (для баритона и фортепиано). Поэтому хотелось бы отметить те детали, которые удалось увидеть среди выбранных мною стихотворений.

Идеи циклов несколько отличаются, в них по-разному расставлены смысловые акценты. В хоровом цикле (девять номеров) ведущей стала тема России, ее значения в жизни человека как Богом данной Родины: «Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский» (прав. Иоанн Кронштадтский) [11, с. 109].

Вокальный цикл (шестнадцать номеров) включает две тетради, каждая из которых по содержанию строится как замкнутый тематический круг. Первая тетрадь — первый круг — строится на основной теме Богоискания личности, ею открывается и заканчивается тетрадь. Раскрытию главной темы способствуют «сопровождающие» темы

природы как Божественного творения, смысла человеческой жизни, роли искусства. Вторая тетрадь — второй круг — основана на стихах, посвященных теме соборного единства православного народа, а также единения земной природы и высшего Небесного мира. Эти мотивы звучат в четвертом и пятом стихотворениях — кульминациях второй тетради, также образующей два смысловых круга — но второй из них больше, масштабнее.

Исследователи поэзии иером. Романа, понимая, что она глубоко традиционна, проводят параллели и с русской классическим стихосложением, и с богословскими сочинениями святоотеческой литературы [4]. Отметим, что подобные связи можно установить между его творчеством и рядом художественных идей изобразительного искусства — иконописи, классической русской живописи — что неудивительно, поскольку поэт, будучи разносторонне одаренной личностью, имеет практическое представление и о написании икон.

Творческая мысль иером. Романа часто устремлена к созерцанию природы: из сознания поэта они буквально «бьют» как неиссякаемый источник. Именно такие стихотворения и составили большинство номеров моего вокального цикла. Вспоминается совет прав. Алексея Мечева на заданный ему вопрос, как молиться: «Встань с птичками, уйди в лес, там помолись. Природа близко стоит Богу. Каждый шорох листочка, колебание каждой травки — все славит Бога. Преподобный Серафим всегда находился среди природы, там и молился» [10, с. 31]. А как же искусство? Каким образом раскрывается в нем тема природы? По словам Николая Николаевича Третьякова, «в русском искусстве тема прославления Творца и созданного Им мира исстари была ведущей. Это животворное начало выражалось в иконописи, в монументальной фресковой живописи, национальной русской пластике, а также в русской картине — во всем строе культуры» [11, с. 249]. Поэтому природа для иером. Романа — это «нерукотворный храм», «Богосотворенный сад»:

О, Богосотворенный сад, исполненный благословенья!..
И листья, и трава слезят Творцу слезой благодаренья¹.

Поэтому так часто в его стихотворениях говорится о глубоком единении Небесного и земного, об отражении небесных событий в земной природе, о взаимовлиянии Горнего и дольного, например, «Пред Успением»:

Вечер благостный. За реку гляну —
Над болотом светло и бело.
Словно Небо великим туманом
На смиренную Землю сошло.

Выдыхаю торжественно: — Лепо!
Как же милостив Ты, Боже мой!
И деревья восходят на Небо,
Увлекая и нас за собой.

Это единение Неба и земли настолько велико, ликование природы так очевидно на праздник Троицы, «что видится Храмом земля!»

¹ Здесь и далее стихотворения цитируются по изданиям: [7; 8].

Тема устремленности от земного к Небесному также имеет свои параллели в русской иконописи, где «возможно изображение движения восхождения» [11, с. 133]. Эта идея издавна присутствовала и в классической музыке, связанной с религиозной тематикой. В стихах иером. Романа она часто подразумевается, даже если об этом не говорится напрямую, как в приведенном выше примере — в стихотворениях «Иного Гостя привечая...», «Поведали: когда монах один...», «Когда о Боге забываю...» и других. Вводя эти стихотворения в вокальный цикл, я попыталась «высветить» эту идею с помощью музыкальных средств.

Тон повествования стихов о природе у поэта сочетает в себе одновременно простоту и изысканность. Так, например, в стихотворении «Прохожу меж березок и сосен» об осени говорится очень спокойно, просто:

Паучок опустился в лукошко,
Чуть помедлил — и вниз головой.
А в опалой дубовой ладошке
Цело море воды дождевой.

В то же время привлекают внимание неожиданные сравнения, метафоры, эпитеты, что создает необычное видение пейзажа и общего настроения: «собираю грибы и слова», «паутинная осень», «тишину среди мхов сторожу» и пр. И если в этом стихотворении напрямую сказано о восприятии окружающего природного мира человеком взрослым, но не утратившим детского самосознания — «Запах детства вдыхаю, вдыхаю // И дитем на лисичку гляжу» — то и в других композициях ощущается та же свежесть, непосредственность взгляда.

Для многих стихотворений поэта характерно повествовательное описание, которое последовательно и зримо рисует мгновения жизни природы, например:

Лето красное! Грозы
Гонят сон деревень.
Золотые стрекозы
Над рекой целый день.

То к воде припадают,
Искры гасят крылом,
То внезапно взлетают
И висят над веслом.

Об этом же принципе говорится Н. Третьяковым по отношению к иконописи: «Такое деление на эпизоды-“кадры” присутствует именно в повествовательной композиции, которая строится на действии, протекающем в реальном времени, как это свойственно языку киноискусства. Подобный принцип сохраняется во многих произведениях древнерусской живописи» [11, с. 24].

Для этого стихотворения, как и многих других, характерно описание природы именно в контексте православного мировоззрения. Только верующий человек будет видеть в окружающем мире и красоте природы отблеск Рая, а в некоторых ее изъянах — последствие грехопадения:

Соловьиное бденье
Нам о Рае гласит.
Комариное пенье
О грехе говорит.

В стихотворениях поэта о природе очень часто употребляются слова «свет», «сияние» (в цикле из отобранных мною шестнадцати стихотворений их около половины), например: «Иного Гостя привечая, // Что светел, радостен и тих», «И свет играет, как водой, листвою, // И та святою ласкою зеркалит», «И потому так много света, // Что все о Боге говорит», «Ни суеты, ни слов пустых, // Земля в сияниях небесных», «Вечер благодостный. За реку гляну — // Над болотом светло и бело», «Ночь без луны, а столько света! // Идет в России крестный ход», «Ветерок без усилий // И кружил их, и нес // На свечение лилий, // На сияние рос». Рассуждая о музыкальных произведениях, в некоторых случаях даже профессионал может охарактеризовать то или иное сочинение как «светлое», не всегда задумываясь о том, что именно стоит за этим определением. Разностороннюю характеристику света дает Н. Третьяков, раскрывая художественное восприятие света в архитектуре, мозаике, иконописи, картине, о различии в понимании света в русском и зарубежном искусстве, а также о различии природы изображенного света — Божественной или, наоборот, уводящей от истинной духовности. В поэзии иером. Романа, как и в русской иконе, а также классической живописи, можно увидеть «традиционное понимание света как образа славы и Божией благодати» [11, с. 204]. Рассуждая о Божественном свете, искусствовед пишет и о том, какое впечатление он производит на человека: «Свет приносит радость красоты. Собственно, он и есть выражение красоты» [11, с. 192]. Недаром в стихотворении иером. Романа «Ни слов, ни дум...» эти понятия соседствуют: «И Свет, и Жизнь — не умолчать! // На Красоту не насмотреться!»

В лирике поэта соседствуют рядом и самоуглубленность, и соборное мироощущение. Если объединить эти различные «состояния» в одном цикле, можно расположить их таким образом, что смысловой вектор всей композиции исходит из глубины внутренней жизни — от молитвенного обращения личности к Богу — и устремляется к всеобщему единению во Христе. Известно высказывание преп. Серафима Саровского о том, что человек должен начать духовное делание с самого себя, и тогда многие вокруг спасутся. В поэзии иером. Романа мы можем прикоснуться к тем никому не ведомым «процессам» духовного становления, которые в обычной жизни скрыты от внешнего взора. Через поэтическое высказывание становится возможным ощутить не только сложность духовного воспитания, но и его красоту, значимость. Поэт многократно рассуждает о стремлении человека к Богу, о светлой, тихой радости души, обратившейся к Небесному миру:

О неотмирность! Ты вовне и в нас,
И Царствие не кажется мечтою.
Блажен, кого находит Божий глас,
Его прикосновение святое.

Трудно переоценить строки, из которых мы узнаем о монашеском мировосприятии, а по сути о той глубине веры, которая должна быть в каждом православном хри-

стианине, но которой достичь в миру, увы, очень сложно. Для такого самосознания общение с Богом, безусловно, первостепенно:

Иного Гостя привечая,
Что светел, радостен и тих,
Душа уже с людьми скучает,
Хотя и молится о них.

Поэтом подчеркивается отличное от мирского молитвенное делание монаха:

Поведали: когда монах один,
Все по-другому слышится и зрится,
И видится, что будет впереди...
И потому так хочется молиться.
Однако бывают и трудные минуты такого делания:
Когда о Боге забываю,
Скудею духом и грешу,
Тогда молюсь, тружусь, читаю,
Но песнопений не пишу.

Из разных стихотворений можно узнать об искренности и радости человека, обратившегося к Творцу, о простоте и немногословности этого обращения, например:

Сказать и не солгать: прости мя, Боже!
И на иные просьбы не дерзать.
И, суетные словеса не множа,
Перед простившим радостно стоять.

В стихотворении «Живые капли стекла бороздят...» ощущается смирение человека, осознающего свою жизнь подобно дождевой капле — казалось бы, ничтожно маленькой, но такой необходимой во всеобщем жизненном промысле:

Не страшно быть и каплей дождевой —
Ведь и она изочтена Сотворшим.

Это смирение ничуть не умаляет душевной радости человека: в стихотворении «Ни слов, ни дум...» говорится об ощущении Благодати в своем сердце, настолько большом, что это состояние даже не выливается сразу в поэтическое высказывание — родное для поэта:

Ни слов, ни дум — всего лишен
И не жалею об утрате:
Душе настолько хорошо,
Что не вмещает Благодати!

В ряде стихов повествуется об удивительной красоте соборного празднования. Их соседство с композициями, полными самоуглубления, говорит о том, что православному человеку близко и одиночество, и соборная, народная молитва:

Ночь без луны, а столько света!
Идет в России Крестный ход.
И в радость слезную одеты
Моя страна и мой народ.

И, думаю, очень внимательно любой творческий человек отнесется к теме искусства, отраженной в стихах иером. Романа. В современном мире легко «потеряться», «не состояться», отступить — в том числе и по причине своей слабости и недостойности. Стихотворения «Белеет яблоневым цветом...», «Когда о Боге забываю...» поддерживают и укрепляют в трудные моменты, ярко и конкретно отвечая на вопросы, которые, вероятно, задает себе каждый думающий человек искусства.

Воплощая поэзию подобного рода в музыке, композитор встает перед необходимостью выбора музыкальных средств (что зависит от многих факторов, а особенно от творческой индивидуальности самого музыканта). Думается, что этот выбор может исходить из самого строя поэзии иером. Романа — глубокой и простой, связанной с русским стихосложением, его образным миром и национальным началом и в то же время существующей в русле общеевропейских традиций. Исходя из этого, в моих музыкальных циклах на стихи поэта сознательно отображены различные истоки. Это в первую очередь стилистические черты русской церковной музыки: вся вокальная мелодика, по существу, опирается на интонации богослужебного песнотворчества и распевы разного времени, их различные выразительные возможности. В партии фортепиано отражены и мелодика этих распевов, и нерегулярная ритмика, и различные способы гармонизации, исторически сложившиеся в русском церковном пении. Народно-песенная мелодика проявилась наиболее явно в композиции «Прохожу меж березок и сосен»; колокольные мотивы звучат в романсах, посвященных теме соборности.

В гармонии циклов нашли отражение приемы, характерные для музыки XX в.: аккорды с добавленными тонами, остинато, полиметрия, кластеры, в ряде случаев и политональность, элементы алеаторики. В то же время это цикл глубоко традиционный — и лирическая стихотворная основа, и состав исполнителей, и его строение в виде двух тетрадей, а также некоторые приемы музыкально-выразительных средств, например, гармонии мажоро-минора — все это вызывает ассоциации с раннеромантическими вокальными циклами. Широко используется диатоника — может быть, в несколько большем объеме, чем это требуется в рамках современного композиторского стиля. Думается, это оправдано самим строем стихов, предполагающим рельефно развитое песенное начало, — а песне свойственна простота, которая в данном случае проявляется более всего в подходе к ладу: «По сюжету и прием; идея подчиняет себе технику» (П. Чистяков) [11, с. 32].

Представляется уместным сочетание поэзии иером. Романа с приемами звуко-изобразительного характера: это попытка музыкальными средствами нарисовать тот пейзаж, который живописует поэт. Проводя параллели с живописью, можно вспомнить меткое наблюдение Н. Третьякова, который отмечает, что «внимательное описание природы увеличивает художественное время картины» [11, с. 93]. К тому же в русском искусстве существовала неразрывная связь слова и изображения: «...русская живопись всегда была искусством изображения слова, и можно сказать — искусством изображенного слова <...> Связь слова и изображения всегда была очень непосредственной и осязаемой <...> Зримый образ открывает то, что заложено в глубинах слова. Живопись — великое служение слову. Слово говорит о невидимом, а живопись помогает воплощению невидимого, свидетельствует о нем» [11, с. 18].

В циклах, особенно вокальном, мне, как музыканту, хотелось создать особую атмосферу неспешного течения времени. Как представляется, это соответствует не только поэтическому строю стихов иером. Романа, но и концепции нашего национального искусства. «Закономерности гармонии и лада, пластические законы красоты продолжают жить. Русская живопись всегда тяготела к состоянию покоя и духовного просветления, к сравнительно малоподвижным образам торжественного предстояния всего Божьего мира и каждой колеблемой ветром былинки пред ликом Творца. В ней всегда ценилась красота статики, что с такой силой проявилось в нашей древней иконописи. Русскому искусству чужда суета. Прекрасное всегда понималось как величавое» [11, с. 163]. И если учесть, что «жанр — это тоже определенное представление о времени» [11, с. 105], то и сборник стихотворений, и музыкальный цикл, состоящий из большого количества номеров, — продлевают временное течение, подчеркивая идею художника Н. Федосова о том, что «в живописи надо добиваться замедления...» [11, с. 35]. Н. Третьяков подчеркивает, что это необходимо и для литературы, поскольку «В Святой Руси существовали иные ритмы жизни и время двигалось не так стремительно» [11, с. 35]. Воплощение этой идеи мы находим в полной мере в стихотворениях иером. Романа. Искусствовед говорит также о «русской композиции, часто тяготеющей к статике, предстоянию вечности» [11, с. 29], поскольку «неизменное влечение к образам вечности и длительного времени суть национальный признак нашего искусства» [11, с. 92]. По его мнению, приостановление действия выявляет суть явления, «и тогда с наибольшей силой выступает зримый образ слова» [11, с. 21–22].

В заключение скажем, что творчество иером. Романа — как проповедь в художественной форме — питает нас, его современников, открывая нам новые смысловые грани духовности. Поэтому его искусство становится высоким служением Богу и людям, поддерживает «свечу духовной памяти» [11, с. 249] в нашем народе. От одной свечи зажигаются другие, и подтверждение этому, в частности — возрастающий интерес профессиональных музыкантов к живой, «утверждающей» поэзии иером. Романа. «Искусство заканчивается там, где иссякает трепет ритма жизни. За этой границей начинается что-то другое, разные формы визуальной технической культуры, как правило, выдуманной, холодной» [11, с. 160]. В его стихотворениях мы чувствуем то настоящее, истинное, что составляет основу бытия и помогает нам выполнять свое профессиональное служение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Корольков А. А.* Высшая поэзия — моление // Ветрово. URL: <http://vetrovo.ru/about/korolkov-molenie/> (дата обращения: 10.09.2018).
- 2 *Корольков А. А.* Поэзия уединения. Мудрость православной поэзии и поэзия православной мудрости // Роман (Матюшин), иером. Радоваться Небу. Мн.: Изд-во БПЦ, 2004. С. 5–12.
- 3 *Надпорожская О. С.* Несчастлив — кто не видит Красоты // Ветрово. URL: <http://vetrovo.ru/about/nadporozhskaya-neschastliv/> (дата обращения: 10.09.2018).
- 4 *Надпорожская О. С.* Стихотворные притчи иеромонаха Романа // Ветрово. URL: <http://vetrovo.ru/about/nadporozhskaya-stihotvornye-pritchi/> (дата обращения: 10.09.2018).
- 5 *Ничипоров И. Б.* Песенно-поэтическое творчество иеромонаха Романа (Матюшина): духовное содержание и образный строй // Ветрово. URL: <http://vetrovo.ru/about/nichiporov-tvorchestvo/4/> (дата обращения: 10.09.2018).

- 6 *Рогощенков И. К.* Память крестная. О поэзии иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) // Ветрово. URL: <http://vetrovo.ru/about/rogoshchenkov> (дата обращения: 10.09.2018)
- 7 *Роман (Матюшин), иером.* И горько слово... Мн.: Изд-во БПЦ, 2009. 224 с.
- 8 *Роман (Матюшин), иером.* Одинокий путь. Мн.: Изд-во БПЦ, 2009. 224 с.
- 9 *Смирнова Л. П.* Великий русский поэт // Ветрово. URL: <http://vetrovo.ru/about/liliya-smirnova-poet/> (дата обращения: 10.09.2018)
- 10 *Советы девушке-христианке московского старца святого праведного Алексея Мечева.* СПб.: Возрождение, 2012. 32 с.
- 11 *Третьяков Н. Н.* Образ в искусстве. Основы композиции. Козельск: Изд-во Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001. 262 с.

© 2018. Maria V. Genchenkova
Moscow, Russia

CONCEPTUAL FACETS OF HIEROMONK ROMAN'S (MATYUSHIN-PRAVDIN) POETRY IN THE CONTEXT OF MODERN MUSIC COMPOSING

Abstract: The art world of the famous modern Russian poet hieromonk Roman (Matyushin-Pravdin) is dear to many of our compatriots. His work attracts the attention not only of the readers, but also of people of creative professions — musicians-performers, composers. How should a modern composer approach to the embodiment of the poet's poetry in music? One cannot answer to this question unambiguously: the poet's work is multidimensional, and the individualities of musicians differ. Nevertheless, it is legitimate to search for various hidden meanings and parallels in order to realize what means of expressiveness are appropriate for revealing the idea of a given poem. The author of the article draws parallels between the poet's ideas and the statements of the famous art critic, professor N. N. Tretyakov (1922–2003) about Russian painting. A comprehensive understanding of the laws of art as a whole allows us to better understand which layers of musical art and its patterns, and on what grounds, can be related with the poetry of the Ier. Roman.

Keywords: contemporary music composing, hieromonk Roman (Matyushin-Pravdin), modern Russian poetry, literature and music, painting and literature.

Information about author: Maria V. Genchenkova — PhD in Arts, Associate Professor of History and Theory of Music, Popov Academy of Choral Art, Festivalnaya St., 2, 125565 Moscow, Russia. E-mail: info@axu.ru

Received: June 04, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Genchenkova M. V. Conceptual facets of hieromonk Roman's (Matyushin-Pravdin) poetry in the context of modern music composing. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 328–337. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Korol'kov A. A. Vysshaja poezija — molenie [The highest poetry is praying]. *Vetrovo*. Available at: <http://vetrovo.ru/about/korolkov-molenie/> (accessed 10 September 2018). (In Russian)

- 2 Korol'kov A. A. Pojezija uedinenija. Mudrost' pravoslavnoj pojezii i pojezija pravoslavnoj mudrosti [Poetry of solitude. Wisdom of Orthodox poetry and the poetry of Orthodox wisdom]. *Roman (Matyushin), ierom. Radovat'sja Nebu* [Roman (Matyushin), hieromonk. Rejoice in the Sky]. Minsk, Izdatel'stvo BPTs Publ., 2004, pp. 5–12. (In Russian)
- 3 Nadporozhskaja O. S. Neschastliv — kto ne vidit Krasoty [Unhappy — who does not see Beauty]. *Vetrovo*. Available at: <http://vetrovo.ru/about/nadporozhskaya-neschastliv/> (accessed 10 September 2018). (In Russian)
- 4 Nadporozhskaja O. S. Stihotvornye pritchi ieromonaha Romana [Poetic parables of hieromonk Roman]. *Vetrovo*. Available at: <http://vetrovo.ru/about/nadporozhskaya-stihotvornye-pritchi/> (accessed 10 September 2018). (In Russian)
- 5 Nichiporov I. B. Pesenno-pojeticheskoe tvorcestvo ieromonaha Romana (Matjushina): duhovnoe sodержanie i obraznyj stroj [The singing and poetic works of hieromonk Roman (Matyushin): spiritual content and figurative system]. *Vetrovo*. Available at: <http://vetrovo.ru/about/nichiporov-tvorcestvo/4/> (accessed 10 September 2018). (In Russian)
- 6 Rogoshhenkov I. K. Pamjat' krestnaja. O pojezii ieromonaha Romana (Matjushina-Pravdina) [Memory of the cross. On the poetry of the hieromonk Roman (Matyushin-Pravdin)]. *Vetrovo*. Available at: <http://vetrovo.ru/about/rogoshchenkov> (accessed 10 September 2018). (In Russian)
- 7 Roman (Matyushin), ierom. *I gor'ko slovo...* [And bitter is the word...] Minsk, Izdatel'stvo BPTs Publ., 2009. 224 p. (In Russian)
- 8 Roman (Matyushin), ierom. *Odinokij put'* [A lonesome path]. Minsk, Izdatel'stvo BPTs Publ., 2009. 224 p. (In Russian)
- 9 Smirnova L.P. Velikij russkij pojet [The Great Russian poet]. *Vetrovo*. Available at: <http://vetrovo.ru/about/liliya-smirnova-poet/> (accessed 10 September 2018). (In Russian)
- 10 *Sovety devushke-hristianke moskovskogo starca svjatogo pravednogo Alekseja Mechjova* [Tips for a Christian girl of the Moscow elder of the holy righteous Alexei Mechev]. St. Petersburg, Revival Publ., 2012. 32 p. (In Russian)
- 11 Tret'jakov N. N. *Obraz v iskusstve. Osnovy kompozicii* [The image in art. Basics of composition]. Kozelsk, Izdatel'stvo Sviato-Vvedenskoj Optinoj Pustyni, 2001. 262 p. (In Russian)